

Новый мир 7.4.99

РАДОВАТЬСЯ И БЛАГОДАРИТЬ!

Роза ГЛИНТЕРЩИК

По поводу презентации "Антология ивритской литературы". Еврейская литература 19-20 веков в русских переводах. Составители: Хамуталь Бар-Йосеф, Зоя Копельман. Изд. Российского гос. гуманитарного университета. М. 1999.

Красиво изданный внушительных размеров том, темно-синюю обложку которого украшает переплетенная буква еврейского алфавита, должен был стать предметом обсуждения многочисленной литературной публики, собравшейся в большой аудитории института Ван-Лир. К сожалению, Хамуталь Бар-Йосеф и Зоя Копельман, будучи людьми крайне скромными и повинувшись академическому этикету, предложили для обсуждения не антологию, а новую еврейскую литературу, полагая, по-видимому, само собой разумеющимся анализ антологии в ходе дискуссии.

Увы! Увещаемые составители пали жертвой собственной скромности. Открывшая дискуссии Майя Катанска, а вслед за ней Михаил Вайскопф и множество других ораторов в течение более чем трехчасовой дискуссии словно бы и забыли про антологию. Между тем эта замечательно интересная книга поистине событие в культурной жизни нашего еврейского общества. И не только нашего.

"Этой антологией, где разнообразные тексты вступают во взаимодействие и в своей совокупности образуют живую целостность, ивритская литература заявляет о себе как о большом и во многих отношениях оригинальном культурном феномене. В России все еще практически неизвестном" - так пишет М.Г. Орелик в рецензии на "Антологию", напечатанной в журнале "Новый мир" номер 2 за этот год.

А не разучились ли мы радоваться? - Невольно задавалась я вопросом, слушая рассуждения о том, что еврейская литература чужда людям, воспитанным на русской литературе, что "наша алия" книгами не интересуется, что дети нынче пошли "не те"... и многие другие расхожие пошлости, кстати, не соответствующие действительности. Я живу среди "нашей алии" - в Неве-Якове, ежедневно встречаюсь в клубе, в ульпане, в МАТНАСЕ, на улице - с русскоязычной публикой, иногда выступаю с лекциями... Я точно знаю: люди много читают и всегда просят рассказать об израильской литературе, о которой мы так мало знаем. Для нас, выросших в советской империи и волею судеб оторванных от еврейской литературы, "Антология" - истинный подарок и огромная радость.

Прежде всего, следует поблагодарить составителей за титанический труд. Лишь те, кто когда-либо составлял антологию, могут оценить, сколько усилий, сомнений, художественного вкуса, любви к еврейской литературе и гордости за нее вложено в эту книгу, не говоря уж о компетентности, высоком профессионализме и подлинной интеллигентности составителей.

"Введение" излагает историю новой еврейской литературы сжато, популярно и в то же время, с нашей точки зрения, достаточно глубоко. Автору удалось избежать как наукообразных пассажей, так и патетических восторгов (всегда напоминающих классическую триаду пафос - патетики - пастика и представляющих собой уже неизбежным атрибутом литературоведческих сочинений). Хамуталь Бар-Йосеф пишет сдержанно (почти застенчиво) и конкретно.

Будучи не в состоянии судить, насколько справедливо возражения М.Г. Орелика по существу некоторых тезисов, скажем лишь, что читать "Введение" интересно, несмотря на некоторые шероховатости стиля, вина за которые ложится на литературного редактора, например, "центр деятельности литературы на иврите..." или "Эстер Рааб - первая уроженка страны в женской ивритской поэзии".

В несколько иной манере, но столь же компетентно, сжато и с любовью составила Зоя Копельман Госсарий и Именной указатель - как бы небольшую энциклопедию по фактивной истории еврейской культуры, причем некоторые статьи поражают нетривиальностью, скрытым юмором.

К примеру, К. Маркс - не только немецкий философ, экономист, социальный социал-экономист; его учения, но и "крещеный еврей, извещенный своими антисемитскими выступлениями в печати". О. Мандавельтам, кроме всего прочего, "давний родственник ивритской поэтессы Рахели". А Д. Писарев был настоящим популярцем среди еврейской молодежи 60-х - 80-х годов 19 века, "что его фамилия даже была представлена в виде акронима, раскрывавшегося в ивритскую фразу..."

Вводная статья, обзоры, примечания отличаются редкой теплотой, но в то же время авторы избегают оценок и категоричности в суждениях, стремятся к беспристрастности.

Как читателя меня очень заинтересовали приведенные в антологии художественные тексты, с большей частью которых я знакома лишь вперевы.

Газетная статья - отнюдь не место для размышлений о двухвековой истории новой ивритской литературы, поэтому я ограничусь лишь несколькими соображениями о помещенных в "Антологию" текстах современных нам писателей: литература последних десятилетий как в России, так и в Израиле меня особенно интересует.

Вообще, я не совсем поняла утверждение Хамуталь Бар-Йосеф, будто современная израильская литература ориентирована на западные культурные влияния и проникнута постмодернистскими настроениями (с. 32, 547). Мне кажется, что проза А. Дельфельда, А. Оза, А. Б. Иехошуа, поэзия И. Амихаи, Зельды, Н. Заха (судя по публикациям в "Антологии"), совершенно лишены постмодернистской игры в жанре, интеллектуальной завывав. Эти произведения как бы овея-

ны суровой и простодушной библейской поэзией, проникнуты абсолютно серьезным отношением к жизни, к судьбе человека, его поступкам и чувствам.

Особенно большое впечатление произвела на меня повесть Амоса Оза "До самой смерти", отчасти, может быть, благодаря отличному переводу В. Радужного. Далекие крестовые походы... Отчаяние бескрайних равнин... Запах ветров. Покой лесов. Тящась в них враждебность... Или нежное и горькое молчание далеких-далеких гор... Скупная жизнь. Жесткие нравы. Фанатичное стремление в Иерусалим и беспощадная жестокость к евреям. Мужество евреев, их стойкость и безграничная вера... И до самой смерти идти в Иерусалим "без пошадей, без одежды и припасов, без женщин и без вина - холод рвет ступни босых ног - встать и идти в Иерусалим".

Под стать этой прозе стихи И. Амихаи "Траурное объявление". Наташа Заха "Человек, дни его...", Зельды "У каждого есть имя"... Пожалуй, современную еврейскую литературу справедливее назвать экзистенциальной...

Современная драматургия представлена в антологии двумя пьесами (в сокращении). Признаться, меня несколько коробит едкий цинизм и разительность пьесы Ханоха Левина "Торговцы резиной", но это чисто субъективное олушение, объективно же я признаю необычный талант этого драматурга.

Пьеса "Трудные люди" Йосефа Бар-Йосефа в прекрасном переводе С. Шенбрунн покоряет человечностью, юмором, а главной, чуть шаржированной обрисовкой истинно еврейских характеров.

Следовало бы назвать еще многих авторов "Антологии", чьи произведения доставляют эстетическое наслаждение, но мы обрываем затянувшийся рецензию, чтобы задать главный вопрос: как сделать саму "Антологию" постоянным массового читателя? Как познакомить русскоязычного читателя с современной ивритской литературой?

Может быть, следует издать серию дешевых небольших книжечек, каждая из которых расскажет о том или ином авторе из "Антологии"? Может быть, выпустить ряд литературных прижонжений к ежедневным русскоязычным газетам? Может быть, организовать серию литературных передач на радио РЭКА, чтобы популяризировать художественные тексты "Антологии"?

А может быть, сделать и то, и другое, и третье? Народ должен знать свою литературу. И "Антология ивритской литературы", составленная Хамуталь Бар-Йосеф и Зоей Копельман - огромный шаг в просвещении русскоязычной части еврейского народа.

Дорогие Хамуталь и Зоя, позвольте выразить вам нашу общую радость и благодарность!

"ЕВРЕЙСКИЙ КАМЕРТОН"

7.4.2000
18:17
7.4.2000

СПАСИ ПЕСАХЗОНА

Антология ивритской литературы. Еврейская литература XIX — XX веков в русских переводах. Составители: Хамуталь Бар-Йосеф и Зоя Копельман. М., 1999. 631 стр. (РГГУ, Центр библеистики и иудаики).

Хамуталь Бар-Йосеф определяет составленную ею совместно с Зоей Копельман антологию как «хрестоматию к курсу „История новой ивритской литературы“ для русскоязычных студентов» — определенное, представляющее излишне скромным. На самом деле масштабы этой работы далеко превосходят поставленную цель. Перед нами не просто статичный набор текстов для научения молодежи — здесь драма метафороз тем, стилей, идей на исторически и культурно насыщенный полторавековой пространный.

Надо отдать должное составителям — они преуспели. Этой антологией, где разнообразные тексты вступают во взаимодействие и в своей совокупности образуют живую целостность, ивритская литература заявляет о себе как о большом и во многих отношениях оригинальном культурном феномене. В России все еще практически неизвестном, и отдельные переводы тут погоды не делают.

Антология хороша и тем, что включает не только художественные тексты, но и несущие печать своего времени критические статьи — саморефлексию еврейской культуры. Хамуталь Бар-Йосеф написала обширную предваряющую статью — обзорный обзор новой ивритской литературы, начиная с ее зарождения и вплоть до наших дней, — а также отдельную статью об ивритской литературе последнего десятилетия. Это своего рода введение в целый культурный мир.

Мне хотелось бы тем самым подчеркнуть сложность задач, стоящих перед автором статьи, и те критические соображения, которые я намерен далее высказать, ни в коей мере не должны зачеркнуть ее заслуги: представить для русского читателя образ ивритской литературы.

Общая концепция культурного контекста, в котором создавалась, согласно Хамуталь Бар-Йосеф, новая ивритская литература, вызывает возражение. Эта литература рождается как бы на пустом месте и ориентируется исключительно на русские и европейские образцы. В далеком далеке маячит Библия, вопрос о литературных взаимосвязях с которой вообще не поставлен. Полностью и демонстративно проигнорирована постбиблейская литературная традиция. У читателя может сложиться совершенно первертное представление, что до конца XVIII века иврит использовался исключительно в религиозном обиходе.

Ни слова не сказано о достаточно разнообразном еврейском литературном ландшафте, на фоне которого и во взаимодействии с которым формировалась ивритская язычная словесность. О взаимосвязях с литературой на идише хотя и упоминается от случая к случаю, но они не рассматриваются в общем и целом — как специфическая культурная проблема. Между тем в определенных временных рамках можно говорить о единой еврейской литературе — настолько неразрывно было ее бытование в двух языковых средах.

Можно понять (хотя это и достойно сожаления), почему в антологию не включен рабби Нахман Брашлавский — один из самых оригинальных, но, к сожалению, известных в России только специалистам авторов: Хамуталь Бар-Йосеф интерпретирует новую еврейскую литературу как литературу, порожденную Гаскалой (еврейским Просвещением), а то время как тексты рабби Нахмана принадлежат к совсем иному культурному миру. Но отсутствие упоминаний о нем в предваряющей статье — это прямое следствие решительного изъятия «новой ивритской литературы из общего еврейского литературного круга и хирургического разделения литературы на иврите и идише.

Между тем тексты рабби Нахмана бросают прямой вызов этой концепции. Его «истории» — это художественная литература очень высокого качества. Рабби Нах-

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

ман рассказывал свои «истории» на идише, но они фиксировались сразу же на двух языках и, начиная с самого первого издания (1815), именно так (на двух языках) и публиковались. Таким образом, как бы эмблематически задавалось единство двуязычной литературы и предельно шло бытование литературных произведений в двух средах как специфическое культурное явление: один и те же авторы работали на двух языках, а некоторые тексты переписывались ими, причем в разных направлениях.

Игнорирование Хамуталь Бар-Йосеф общего еврейского литературного контекста новой ивритской литературы можно продемонстрировать на нескольких впечатляющих примерах.

Вот знаменитый роман «Путешествие Биньямина Третьего» Меделе Мойхер-Сфорима (1877). О нем сказано, что «он написан в духе романов-путешествий, таких, например, как „Дон Кихот“ и „Мертвые души“». И только. Отслеживание межлитературных связей безусловно необходимо и интересно, однако возникает все-таки недоуменный вопрос: почему автор начисто игнорирует гораздо более важные в данном случае связи — внутри еврейской литературы?

Роман Мойхер-Сфорима предполагает известным определенным контекст, определенный ключ к его пониманию. И этот контекст был прекрасно известен, и ключ имелся в руках читателя, к которому писатель адресовался. Не только содержание, но и название романа — прямая аллюзия на «Книгу путешествий» Биньямина из испанского города Туделы и «Пятилетнее путешествие по Востоку» Исаака Иосефа Биньямина, или, как его называли, Биньямина Второго, повторившего и расширившего маршрут своего предшественника, — произведения великих еврейских путешественников, обьехавших «подмира». Обе книги написаны на иврите. Биньямин из Туделы путешествовал в XII веке, его последователи на иврите в середине прошлого века; книга Биньямина Второго вышла лет за двадцать до романа Мойхер-Сфорима.

Эти знаменитые путешествия, незримо присутствующие в романе Мойхер-Сфорима, задают убийственный масштаб блужданиям незадачливых героев между трех местечек, убийственный масштаб всей местечковой еврейской жизни (после Второй мировой войны, когда местечко как цивилизационный феномен — исторический, культурный, бытовой — перестало существовать, писатель был обвинен в «самоневеистии»). Вот от чего явным и непосредственным образом отталкивался автор — «Дон Кихот» и «Мертвые души» были здесь явно не на первом месте. Другой пример.

О рассказе Мордехая Зеэва Фейерберга «Теленок» (1897) сказано, что он «изображает тяжелое душевное напряжение чувствительного мальчика». В рассказе речь идет о теленке, которого должны зарезать, и душа мальчика не может это принять, не может принять мир, где прекрасное и доверчивое существо обречено на нож. Сама по себе ситуация универсальна и, разумеется, описана не только Фейербергом и не только в еврейской литературе. Однако с точки зрения понимания ее своеобразия важна не столько сама ситуация, сколько коннотации, невозможные ни в каком ином культурном контексте, кроме еврейского.

Теленка должны зарезать к субботе, ради праздника. В тексте появляется целый набор аллюзий: на Акедат Ицхак (библейское повествование о несостоявшемся жертвоприношении Исаака), где роль Исаака парадоксальным образом играет теленок; на пасхальную песенку Хад Гадья (в которой помимо несчастного коллеготорого вели на бойню и он искал защиты у мудреца, но не обрел ее. Для читателей Фейерберга все эти необходимые компоненты образованного строя рассказа были абсолютно прозрачны, все эти образы стреляли и точно попадали в цель.

Мальчик в другом рассказе Фейерберга, «Тени» (1898), восклицает: «Блажен ты, Израиль!», «Блажен тот, кто возьмет и ударит этими листами о камень, чтобы сбросить с них вековую пыль...». Это что, речь ребенка? Да, это речь ребенка, причем вовсе не специально натасканного вундеркинда, а нормального еврейского мальчика, учившегося в хедере, знающего наизусть множество текстов, свободно владеющего и достаточно искусно манипулирующего набором библейских клише. Кстати, второе восклицание — перифраз знаменитых «Рек вавилонских».

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

В рассказе Ицхока Лейбуша Перца «Три дара» речь идет о духовных дарах праведности. Рассказ завершается словами: «Автор „Урим ве-Тумим“ сказал: „Дары замечательные, красивые, но бесполозные“. Смысл этой фразы, придающей повествованию завершающую отдушку, остается внятен только тому, кому известен и неназванный автор, и книга, причем не понаслышке.

Каким образом может это понять неспециализированный русский читатель? Ничем. Между тем в концептуальной статье этот контекст начисто отсутствует.

Хамуталь Бар-Йосеф информирует читателя о том, что «Отцы и дети» — «известный роман Тургенева». Она также сообщает, что кардинальный вопрос русской культуры последнего десятилетия прошлого века: «Что принесет избавление русскому народу — социалистическая революция или духовно-мистическое обновление?» Сей пассаж следовало бы оставить для внутриизраильского употребления и не переводить с иврита — уж во всяком случае, не переводить на русский. Лучшее бы Хамуталь Бар-Йосеф рассказывала о других материях.

По всей видимости, для антологий, которая обладает таким потенциалом новизны, была бы желательна несколько иная структура. Каждого автора следовало бы представить отдельной краткой биографической и литературоведческой статьёй и сопроводить критиком же комментарием культурных реалий, важных для понимания текста и заведомо недоступных читателю без объяснения (применения и glossarii Зои Копельман) имеютой минималистский характер и решаютой эти задачи только-ко отчасти). Все это позволило бы разгрузить вступительную статью от тем, которые все равно проговариваются в ней мимоходом и по касательной.

Герои романа «Любовь в Сионе» (1853) Авраама Мапу — первого из авторов антологии — живут, любят, сражаются в Стране Израиля в библейские времена. Мапу создает романтический идеал еврейской жизни на своей земле. Мальчик — герой Мордехая Зеэва Фейерберга — знает, что у него есть великое наследие отцов — Тора.

Герой израильского драматурга Ханоха Левина («Торговая резинка», 1988), родившемуся и живущему на земле, воспетой Авраамом Мапу, покойный отец («человек богоязычный») тоже оставил наследие — «десять тысяч презервативов высшего австралийского качества», которыми покойный, несмотря на таланты, по-множенные на усердие, так и не успел воспользоваться: смерть остановила неумолимого и самоотверженного труженика.

Было бы не только слишком примитивно, но и просто неверно утверждать, что эта впечатляющая метафорфа эмбри, героя и наследия представляет собой путь ивритской литературы, — очевидно, однако, что это одна из важнейших ее траекторий.

Завершает книгу рассказ молодого израильского писателя Этгара Керета (род. в 1967) «Разбей поросенка» (1997), где в неожиданном ракурсе возникает тема «Теленка» Фейерберга. Маленькому мальчику жаль глиняного поросенка — копишку, до отказа набитую шекелями и вполне готовую к сокрушению. Материальное положение — награда не за успехи в изучении Торы (как это было бы лет назад), а за внушающее отращение какао с пенками на завтрак. Поросенок обречен на заклание. В отличие от героя Фейерберга, понапрасну задающего взрослым неважные вопросы, мальчик Керета прекрасно понимает, что обсуждать с ними пустые среди чертополоха и таким образом навсегда потеряв его для себя. Не говоря уже о том, что он лишился, благодаря своему безумному поступку, возможности купить себе интернациональную кукузу — Берта Симпсона на американских роликах, о которой столько мечтал и из-за которой весь сыр-бор с накоплением капитала и был затян.

В отличие от рассказа Фейерберга история Керета как будто лишена каких-либо еврейских коннотаций. И все же они существуют. Мальчик зовет своего поросенка Песахоном, что в переводе означает «Сын Песаха» (Песах — еврейская Пасха). В этом имени нет никакого умысла — случайно запомнившаяся наклейка на почтовом ящике, и только. И все же: мир рассказа — это мир, где единственный, оксюморонный, блик еврейской традиции — глиняный поросенок с идишским именем!

СПАСИ ПЕСАХЗОНА

Антология ивритской литературы. Еврейская литература XIX — XX вв. в русских переводах. Составители: Хамуталь Бар-Йосеф и Зои Копельман. М., 1999. 631 стр. (РГГУ, Центр библистике и нудлики).

Хамуталь Бар-Йосеф определяет составленную ею совместно с Зоей Копельман антологию как «хрестоматию к курсу „История новой ивритской литературы“ для русскоязычных студентов» — определенное, представляющее наиболее скромным. На самом деле масштабы этой работы далеко превосходят поставленную цель. Перед нами не просто статичный набор текстов для научения молодежи — здесь драма метаморфоз тем, стилей, идей на исторически и культурно насыщенный полторавековой пространный.

Надо отдать должное составителям — они преуспели. Этой антологией, где разнообразие текстов вступают во взаимодействие и в своей совокупности образуют живую целостность, ивритская литература заявляет о себе как о большом и во многих отношениях оригинальном культурном феномене, в России все еще практически неизвестном, и отдельные переводы тут погоды не делают.

Антология хороша и тем, что включает не только художественные тексты, но и несущие печать своего времени критические статьи — саморефлексию еврейской культуры. Хамуталь Бар-Йосеф написала обширную предваряющую статью — обзорный обзор новой ивритской литературы, начиная с ее зарождения и вплоть до наших дней, — а также отдельную статью об израильской литературе последнего десятилетия. Это своего рода введение в целый ивритский мир.

Мне хотелось бы тем самым подчеркнуть сложность задач, стоящих перед автором статьи, и те критические соображения, которые я намерен далее высказать, ни в какой мере не должны зачеркнуть ее заслуги: представить для русского читателя образ ивритской литературы.

Общая концепция культурного контекста, в котором создавалась, согласно Хамуталь Бар-Йосеф, новая ивритская литература, вызывает возражение. Эта литература рождается как бы на пустом месте и ориентирована исключительно на русские и европейские образцы. В далеком далеке маячит Библия, вопрос о литературных взаимосвязях с которой вообще не поставлен. Полностью и демонстративно игнорируется постбиблейская литературная традиция. У читателя может сложиться совершенно прерванное представление, что до конца XVIII века иврит использовался исключительно в религиозном обиходе.

Ни слова не сказано о достаточно разнообразном еврейском литературном ландшафте, на фоне которого и во взаимодействии с которым формировалась ивритская язычная словесность. О взаимосвязях с литературой на идише хотя и упоминается от случая к случаю, но они не рассматриваются в общем и целом — как специфическая культурная проблема. Между тем в определенных временных рамках можно говорить о единой еврейской литературе — настолько неразрывно было ее бытование в двух языковых средах.

Можно понять (хотя это и достойно сожаления), почему в антологию не включены рабби Нахман Брашлавский — один из самых оригинальных, но, к сожалению, известных в России только специалистам авторов: Хамуталь Бар-Йосеф интерпретирует новую еврейскую литературу как литературу, порожденную Гаскалой (еврейским Просвещением), в то время как тексты рабби Нахмана принадлежат к совсем иному культурному миру. Но отсутствие упоминаний о нем в предваряющей статье — это прямое следствие решительного изъятия «новой ивритской литературы из общего еврейского литературного круга и хирургического разделения литературы на ивритскую и идишскую».

Между тем тексты рабби Нахмана бросают прямой вызов этой концепции. Его «история» — это художественная литература очень высокого качества. Рабби Нах-

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

ман рассказывал свои «истории» на идише, но они фиксировались сразу же на двух языках и, начиная с самого первого издания (1815), именно так (на двух языках) и публиковались. Таким образом, как бы эмблематически задалось единство двуязычной литературы и предельно сложилось бытование литературных произведений в двух средах как специфическое культурное явление: один и те же авторы работали на двух языках, а некоторые тексты переписывались ими, причем в разных направлениях.

Игнорирование Хамуталь Бар-Йосеф общего еврейского литературного контекста новой ивритской литературы можно продемонстрировать на нескольких впечатляющих примерах.

Вот знаменитый роман «Путешествие Биньямина Третьего» Меделе Мойхер-Сфорима (1877). О нем сказано, что «он написан в духе романов-путешествий, таких, например, как „Дон Кихот“ и „Мертвые души“». И только. Отслеживание межлитературных связей безусловно необходимо и интересно, однако возникает все-таки недоуменный вопрос: почему автор начисто игнорирует гораздо более важные в данном случае связи — внутри еврейской литературы?

Роман Мойхер-Сфорима предполагает известным определенным контекст, определенный ключ к его пониманию. И этот контекст был прекрасно известен, и ключ имелся в руках читателя, к которому писатель адресовался. Не только содержание, но и название романа — прямая аллюзия на «Книгу путешествий» Биньямина из испанского города Туделы и «Пятилетнее путешествие по Востоку» Исаака Иосефа Биньямина, или, как его называли, Биньямина Второго, повторившего и расширившего маршрут своего предшественника, — призывающие великих еврейских путешественников, обьехавших «полмира». Обе книги написаны на иврите. Биньямин из Туделы путешествовал в XII веке, его последователи на иврите в середине прошлого века; книга Биньямина Второго вышла лет за двадцать до романа Мойхер-Сфорима.

Эти знаменитые путешествия, незримо присутствующие в романе Мойхер-Сфорима, задают убийственный масштаб блужданиям незадачливых героев между трех местечек, убийственный масштаб всей местечковой еврейской жизни (после Второй мировой войны, когда местечко как цивилизационный феномен — исторический, культурный, бытовой — перестало существовать, писатель был обвинен в «самоненависти»). Вот от чего явным и непосредственным образом отталкивался автор — «Дон Кихот» и «Мертвые души» были здесь явно не на первом месте. Другой пример.

О рассказе Мордехая Зеева Фейерберга «Теленок» (1897) сказано, что он «изображает тяжелое душевное напряжение чувствительного мальчика». В рассказе речь идет о теленке, которого должны выпустить из загона, и душа мальчика не может это принять, не может принять мир, где прекрасное и доверчивое существо обречено на нож. Сама по себе ситуация универсальна и, разумеется, описана не только Фейербергом и не только в еврейской литературе. Однако с точки зрения понимания ее своеобразия важна не столько сама ситуация, сколько коннотации, невозможные ни в каком ином культурном контексте, кроме еврейского.

Теленка должны зарезать к субботе, ради праздника. В тексте появляется целый набор аллюзий: на Акедат Ицхак (библейское повествование о несостоявшемся жертвоприношении Исаака), где роль Исаака парадоксальным образом играет теленок; на пасхальную песенку Хад Гадья (в которой помимо несчастного козленка есть еще один общий персонаж — резник); на рассказ из Талмуда о теленке, которого вели на бойню и он искал защиты у мудреца, но не обрел ее. Для читателя Фейерберга все эти необходимые компоненты образованного строя рассказа были абсолютной прозрачны, все эти образы стреляли и точно попадали в цель.

Мальчик в другом рассказе Фейерберга, «Тени» (1898), восклицает: «Блажен ты, Израиль!», «Блажен тот, кто возьмет и ударит этими листами о камень, чтобы сбросить с них вековую пыль...». Это что, речь ребенка? Да, это речь ребенка, причем совсем не специально натасканного вундеркинда, а нормального еврейского мальчика, учившегося в хедере, знающего наизусть множество текстов, свободно владеющего и достаточно искусно манипулирующего набором библейских клише. Кстати, вторые восклицание — перифраз знаменитых «Рек вавилонских».

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

В рассказе Ицхока Лейбуша Переца «Три дара» речь идет о духовных дарах праведности. Рассказ завершается словами: «Автор „Урим ве-тумим“ сказал: „Дары замечательные, красивые, но бесполозные“. Смысл этой фразы, приданной повествованию завершающую отсылку, остается внятней только тому, кому известен и неназванный автор, и книга, причем не понаслышке.

Каким образом может это понять неспециализированный русский читатель? Ничем. Между тем в концептуальной статье этот контекст начисто отсутствует.

Хамуталь Бар-Йосеф информирует читателя о том, что «Отцы и дети» — известный роман Тургенева. Она также сообщает, что кардинальный вопрос русской культуры последнего десятилетия прошлого века: «Что принесет избавление русскому народу — социалистическая революция или духовно-мистическое обновление?» Сей пассаж следовало бы оставить для внутризرائильского употребления и не переводить с иврита — уж во всяком случае, не переводить на русский. Лучшее бы Хамуталь Бар-Йосеф рассказывала о других материях.

По всей видимости, для антологий, которая обладает таким потенциалом новизны, была бы желательна несколько иная структура. Каждого автора следовало бы представить отдельной краткой биографической и литературоведческой статьёй и сопроводить критиком же комментарием культурных реалий, важных для понимания текста и заведомо недоступных читателю без объяснения (применения и glossarii Зои Копельман) имеютой минималистский характер и решают эти задачи только отчасти. Все это позволило бы разгрузить вступительную статью от тем, которые все равно проговариваются в ней мимоходом и по касательной.

Герои романа «Любовь в Сионе» (1853) Авраама Мапу — первого из авторов антологии — живут, любят, сражаются в Стране Израиля в библейские времена. Мапу создает романтический идеал еврейской жизни на своей земле. Мальчик — герой Мордехая Зеева Фейерберга — знает, что у него есть великие наследие отцов — Тора.

Герои израильского драматурга Ханоха Левина («Торговцы resinной», 1988), родившемуся и живущему на земле, воспетой Авраамом Мапу, покойный отец («человек богоявленнейший») тоже оставил наследие — «десять тысяч презервативов высшего австралийского качества», которыми покойный, несмотря на таланты, по-множённому на усердие, так и не успел воспользоваться: смерть остановила неумолимо и самоотверженного труженика.

Было бы не только слишком прямолинейно, но и просто неверно утверждать, что эта впечатляющая метаморфоза земли, героя и наследия представляет собой путь ивритской литературы, — очевидно, однако, что это одна из важнейших ее траекторий.

Завершает книгу рассказ молодого израильского писателя Этгара Керета (род. в 1967) «Разбег поросенка» (1997), где в неожиданном ракурсе возникает тема «Теленка» Фейерберга. Маленькому мальчику жаль глиняного поросенка — копилку, до отката набитую шекелями и вполне готовую к сокрушению. Материальное поощрение — награда не за успехи в изучении Торы (как это было бы сто лет назад), а за внушающее отращивание какао с пенками на завтрак. Поросенок обречен на заклание. В отличие от героя Фейерберга, понапрасну задающего взрослым неважные вопросы, мальчик Керета прекрасно понимает, что обсуждать с ними пустярные вещи совершенно бессмысленно. Он спасает поросенка, спрятав его на пустыре среди чертополоха и таким образом навсегда потеряв его для себя. Не говоря уже о том, что он лишился, благодаря своему безумному поступку, возможности купить себе интернациональную куклу — Берта Симпсона на американских роликах, о которой столько мечтал и из-за которой весь сыр-бор с накоплением капитала и был затян.

В отличие от рассказа Фейерберга история Керета как будто лишена каких-либо еврейских коннотаций. И все же они существуют. Мальчик зовет своего поросенка Песахзоном, что в переводе означает «Сын Песаха» (Песах — еврейская Пасха). В этом имени нет никакого умысла — случайно запомнившаяся наклейка на почтовом ящике, и только. И все же: мир рассказа — это мир, где единственные, оксморонный, блик еврейской традиции — глиняный поросенок с идишским именем!